

В. Ю. Яковлев

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В статье проводится теоретический анализ логико-методологических и социологических тенденций в современной философии науки. Излагается принцип культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания.

Ключевые слова: философия науки, эпистемология, детерминация знания.

V. Yakovlev

THE PROBLEM OF CULTURAL-WORLD OUTLOOK DETERMINATION OF KNOWLEDGE IN PHILOSOPHY OF SCIENCE

The theoretical analysis of logical-methodological and sociological tendencies in modern philosophy of science is carried out in the article. The principle of cultural-world outlook reflection of scientific knowledge is stated.

Key words: philosophy of science, epistemology, determination of knowledge.

Проблема социокультурной детерминации научного познания разворачивается в эпистемологии в ряд частных вопросов теоретического характера: оказывают ли в принципе социокультурные факторы детерминирующее воздействие на развитие научного познания? Если такое воздействие существует, то каков его действительный механизм и влияние на познавательные процессы? Такая детерминация, как известно, может реализоваться на практике не только в эвристическое, но и иллюзорное, влияние на когнитивные процессы научного познания. Остается неясным также вопрос, почему в условиях такой детерминации наука, конституируемая как автономный социокультурный институт по производству знания, претендует на адекватное отражение предмета познавательной деятельности?

В неопозитивистской версии философии науки (О. Нейрат, Р. Карнап, М. Шлик, Ф. Франк), отрицалась сама возможность эвристического влияния вненаучных социокультурных факторов в познавательном процессе, равно как и самой метафизики, как спекулятивной формы знания. Вслед-

ствие этого проблематика, связанная с культурной детерминацией знания, была исключена в эпистемологии из сферы методологической рефлексии.

В постпозитивистской парадигме философии науки наметился отход от элиминации метафизических факторов из сферы научного познания, проявился интерес к детерминирующему влиянию на него социокультурного факторов.

Вопросы социокультурной детерминации научного познания, изменчивости его формы и смысловой структуры, взаимодействия с мировоззрением становятся предметом заинтересованного обсуждения в неклассической эпистемологии. В первую очередь это относится к так называемому «историческому направлению» в философии науки, сторонники которого (Д. Агасси, Т. Кун, Ф. Сапе, С. Тулмин, Д. Уоткинс, П. Фейерабенд и др.) выступили с тезисом «реабилитации» метафизики [9, p. 178].

В противоположность непозитивистской концепции науки (Р. Карнап, О. Нейрат) «историческая» школа сделала акцент на признании предпосылочного

знания мировоззренческого характера, на осмыслении органической связи мировоззренческих установок с научным знанием, в котором «метафизические идеи так же важны..., как и идеи математики» [4, р. 91].

Сторонники «исторической» школы пришли к выводу, что в реальной практике научно-познавательного процесса исследователи руководствуются неявными концептуально-мировоззренческими установками, которые определяют способ выбора и построения научных теорий. Терминологически это выражалось различным образом. В концепции Т. Куна смыслообразующая мировоззренческая система, стимулирующая развитие знания, названа «парадигмой», в работах Д. Поппера — «фоном научного исследования» [4], у И. Лакатоса — «ядром исследовательской программы» [7], у С. Тулмина — «исследовательскими популяциями» [10].

В результате наметились различные версии экспликации культурно-мировоззренческой детерминации знания. В частности, в концепции фальсификации К. Поппера, научно-исследовательских программ И. Лакатоса, модели развития науки в концепции Дж. Агасси, Л. Лаудана признается, что социокультурные факторы как некий «фон» научного познания активно взаимодействуют с когнитивными процедурами. Однако полагают они, определяющее детерминирующее воздействие на научный проект оказывают сугубо когнитивные факторы. Научная рациональность, отмечает И. Лакатос, обладает внутренней историей, в которой внешние социокультурные факторы не определяют эвристики научных знаний, однако могут использоваться методологией в случае, если вопрос касается внешней истории науки.

Представители другого подхода — Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд — наоборот утверждают, что без экспликации социокультурных факторов нельзя осуществить эпистемологическое объяснение не только

внешней, но и внутренней истории науки. Иначе говоря, социально-культурные факторы оказывают непосредственное детерминирующее влияние на процесс производства научных знаний, вследствие чего невозможно в принципе провести жесткую демаркацию между внутренней и внешней историей науки.

Несмотря на то, что данное направление в западной философии науки не является чем-то монолитным, среди его сторонников можно отметить определенное единство, которое и позволяет объединить их в относительно целостное методологическое течение. В теоретической модели Т. Куна история науки представляет собой борьбу научных обществ, каждое из которых консолидируется на основе определенной модели научной деятельности, образующей в его терминологии «парадигму». Влияние парадигмы на научное сообщество тотально: «Ни одно исследование уже не возможно в отсутствии парадигмы, и отказ от какой-либо парадигмы без одновременной ее замены другой означает отказ от науки вообще» [2, с. 45], ибо овладевая парадигмой, ученый овладевает сразу и теорией, и методами, и стандартами осмысления знания, которые теснейшим образом переплетаются. Парадигма, в понимании Т. Куна, как бы задает язык, на котором исследователь «разговаривает» с природой. Причем адекватный перевод языка одной научной теории на язык другой практически невозможен, ибо факты, фиксируемые при помощи парадигмы, несут на себе ее проекцию и вне этой проекции вообще не воспринимаются, не существуют. Отмечая, таким образом, определенные стороны активности субъекта познания, Т. Кун абсолютизирует несоизмеримость парадигм, которые в его понимании приобретают значение замкнутых смысловых миров, не имеющих какой-либо реальной логической связи между собой. Причину смены парадигм Кун видит на манер Ч. Пирса не в объективных условиях социально-практического бытия

человека, а в вере, в психологических факторах, в конкурентной борьбе научных обществ.

Куновскому учению о парадигмах в методологическом плане близко понятие исследовательской программы И. Лакатоса [7, р. 149–186]. В его концепции деятельность ученого определяется не только эмпирическим опытом или теоретическими постулатами, но и совокупностью нормативных установок, которые образуют мета-теоретический ее уровень. Исследовательская программа, состоящая из «жесткого ядра», принятые конвенционально метафизические допущения обладают по отношению к теории нормативной силой, регулирующей структурирование эмпирических факторов [8, р. 115].

В отличие от своего идейного учителя К. Поппера, Лакатос превратил мировоззренческие идеи из «внешнего» фактора развития научного знания во «внутреннее» ядро исследовательской программы, что, по его убеждению, должно было способствовать рациональному осмыслению эволюции научного познания. История науки в понимании И. Лакатоса есть история соперничества исследовательских программ, которые образуют определенную последовательность развития родственных теорий, скрепленных единими онтологическими допущениями нормативного порядка [3, с. 203]. Однако вопрос о том, откуда берется научная программа и ее мировоззренческое ядро, остается в концепции И. Лакатоса без ответа. И если он остановился на этом вопросе методологии, то П. Фейерабенд пришел к отрицанию ценности самой методологии и философии научного познания.

Подобно О. Шпенглеру, говорившему, что «каждая культура создала для себя свое собственное естествознание, которое только для нее истинно» [5, с. 386], Фейерабенд полагает, что каждая из теорий, представляя определенный культурно-смысловой тип знания, несоизмерима в мировоззренческом плане с другой теори-

ей ни по своему содержанию, ни по способу верификации фактов. Принцип несоизмеримости теорий стал для П. Фейерабенда базой для провозглашения так называемого «методологического анархизма», суть которого сводится к тому, что любая теоретическая система имеет, так сказать, индивидуальную методологическую основу. Признание культурно-мировоззренческой детерминации знания стало для Фейерабенда поводом для провозглашения плюрализма в методологии [6, р. 220–222].

Это по своей логике привело к признанию условности деления идей на научные и ненаучные, к своеобразной терпимости ко всем формам мировоззренческого осмысления знания, когда уже наука ничем принципиально не отличается от мифа, от религиозной доктрины. То, что принимается в качестве относительной истины в концепции методологического плюрализма, является не более чем сконструированным универсальным стандартом, каноном, порождающим определенное поведение адептов веры. Выбор между альтернативными теориями опирается, по словам Фейерабенда, на субъективные предпочтения, эстетические вкусы, верования. Таким образом, от методологического релятивизма он переходит на позиции гносеологического релятивизма. Эпистемологический анархизм П. Фейерабенда является своеобразным признанием мировоззренческой опосредованности научной теории, что стало, однако, основой для утверждения релятивизма в гносеологии, базой для отрицания исторического прогресса научного познания.

Утверждая тезис о том, что процесс научного творчества не свободен от культурно-исторических определенностей, признавая зависимость научного знания от мировоззрения, фиксируя релятивность методологических структур, западная философия науки в лице исторического направления не смогла пойти дальше – прояснить вопрос, откуда берутся концепту-

ально-мировоззренческие установки, которые обуславливают сам способ познания. Сторонники исторического направления остаются, по существу, интерналистами в понимании источников развития науки, что является своего рода «родимым пятном» того идейного базиса (логический позитивизм), от которого они отталкивались.

Так, Т. Кун пытается решить проблему структуры научных революций на основании ориентаций сугубо научного общества, И. Лакатос анализирует применимость принципа историзма к методологии лишь на основе внутринаучных исследовательских программ. Однако понять истоки научной рациональности, исходя из самой науки, невозможно, в противном случае основания мировоззренческих установок познавательного процесса следует искать либо в вере, как это делают Т. Кун и П. Фейерабенд, либо в их конвенциональном характере, как утверждает И. Лакатос.

Тезис о социальной детерминации научного познания в конце XX в. был усилен сторонниками «сильной программы» социологии знания в трактовке Б. Барнса, Д. Блура, К. Кнорр-Цетины, Б. Латугра, С. Уолгара. Эти авторы исходят из того, что социально-культурные факторы присутствуют на всех уровнях научного познания, детерминируют не только форму, но и содержание знания. Подвергнув критике гносеологизм и психологизм в трактовке природы познания, они предлагают отказаться от неправомерного сужения сферы социологического подхода, ограничивающего компетенцию исследованием науки как социального института. По мнению адептов «сильной программы», социология должна включить в предмет своего рассмотрения *содержание* знания, существенно расширив традиционную компетенцию социологии. В результате социокультурные факторы не только, так сказать, входят в научное познание, но и полностью его подчиняют.

Вследствие этого, научный проект лишается собственной когнитивной автономии и редуцируется к социальным обстоятельствам его порождения: содержание научного познания предстает лишь в виде социальной конструкции, детерминированной более широкой социально-культурной системой.

Таким образом, проблема социокультурной опосредованности научного познания является открытой: если по вопросу о социокультурной природе знания особых дискуссий не возникает, то тезис социокультурной *детерминации* в версии «сильной программы» социологии знания вызывает, на наш взгляд, определенные сомнения.

Редукция содержания научного знания к совокупности имплицитных социальных факторов его развития, на наш взгляд, существенно упрощает и обедняет научную рациональность, существенно расходится с реальным развитием науки, как относительно автономного социального института. Это подчеркивает, что проблема социокультурной детерминации научного познания является комплексной, междисциплинарной, многогранной, у нее нет готового, однозначного решения, ибо по своему статусу она по существу главных вопросов является философской, метафизической проблемой, требующей своего переосмысления в контексте историко-научных, социологических, культурологических, эпистемологических, логико-методологических исследований.

С развитием научного познания сама структура познавательной деятельности не остается неизменной. Теоретическое мышление каждой эпохи, в том числе современной, – исторический продукт, принимающий в различных социокультурных условиях различные исторические формы, а вместе с ними иное смысловое содержание. В контексте этого, на наш взгляд, существенно различать собственно знание, отражающее тот или иной фрагмент реаль-

ности и культурно-историческую его форму производства и осмысления. Форма знания предполагает лежащее в его основании мировоззрение, в котором производится фундаментальный фокус восприятия действительности на сферы первичного и вторичного, подлинного и неподлинного, основного и производного, истинного и ложного, что представляет базис того материала, которым должна заниматься наука.

Раскрывая объективную логику динамики знания, современная философия науки выступает в то же время против абсолютизации исторически сформировавшихся критериев научности. Структура познавательной деятельности есть исторический феномен, изменяющийся адекватно той особой «объективной реальности», составляющей мир человеческой культуры. Вне этой реальности средствами традиционной эпистемологии нельзя понять подлинный смысл новаций и поворотов научного мышления. Закономерности развития науки, генезис норм и ценностей научного мышления можно выяснить лишь в том случае, если рассматривать науку в качестве компонента социально-культурной системы, общественной практики в целом. Научная деятельность представляет собой культурно обусловленный, общественный процесс, в котором в качестве субъекта действует не абстрактный индивид, но общественно сформированный, исторически и коммуникативно соотнесенный в процессе мировоззренческого освоения действительности с другими людьми. Жизнедеятельность и мышление каждого человека как члена общества протекает в рамках исторически конкретной культуры, задающей «горизонт» его бытия и понимания мира. Отсюда следует, что всякому познанию и мышлению предшествует «предпонимание» (М. Хайдеггер) или предрассудок, который задает фокус зрения, охватывающий все, что может быть в принципе воспринято человеком. Куль-

турно-исторический и социально-коммуникативный миры, как справедливо подметил Х.-Г. Гадамер, «образуют один большой, внутренне подвижный горизонт, который, выходя за рамки современности, охватывает исторические глубины нашего самосознания, ...поэтому не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» [1, с. 360].

Органическая роль культурно-мировоззренческих оснований научного познания проявляется в том, что познавательная деятельность не может существовать без безусловных, «само собой разумеющихся» допущений мировоззренческого характера об изучаемом предмете знания. Такое «самоочевидное» понимание и осмысление исследуемой реальности является основой стратегии научного поиска, указывающей, что в принципе познаваемо, что важно и существенно для человека, что имеет по отношению к нему значимую познавательную ценность. Такой контекст научной деятельности не всегда является чем-то рационально фиксируемым для ученого, а представляет собой нередко четко априорно-безусловное, не требующее доказательств, включая определенное эмоциональное отношение к познавательному процессу, убежденность, что мир устроен именно так, а не иначе. Эти предпосылки научного познания через сетку категорий, образ мира, задают видение предмета научного исследования, формируют цели познания, выбор и постановку проблем, определяют идеал наблюдения, описания, объяснения и понимания, формируют условия, при которых знание предстает как научно доказанное, истинное по своему содержанию.

В конечном итоге проблема мировоззренческих оснований научно-познавательной деятельности отражает диалектическую противоречивость самого процесса познания, известную антиномию социокультурного и когнитивного во внутренней структуре познавательного процесса. Эта противоречивость была зафиксирова-

на исторической школой в западной философии науки, однако сторонники ее, по существу, абсолютизировали эти две диалектические ипостаси научного мышления (объективную определенность знания и культурно-историческую форму его осмысления). В процессе исторического развития научного познания его смысловая структура в силу историзма мировоззренческих предпосылок знания обретает движение, однако это не означает, что с изменением типа научной рациональности отбрасывается все прежнее содержание знания. Оно входит в новую концептуально-смысловую систему, преобразуется в ней, определяясь теми мировоззренческими установками, которые являются идеальным выражением всеобщего в развивающейся практике познания и преобразования мира человеком.

Встроенное «внутри» научного познания мировоззренческое сознание является двусторонним проводником связи, соединяющим научное мышление с системой культуры, каналом, который обеспечивает проникновение социально-культурных особенностей практики, социально-коммуникативных ориентаций субъекта в актуальную познавательную деятельность, интегрируя эту деятельность, направленную на локальный объект, со всей системой жизнедеятельности исторического субъекта.

Всеобщность знания (относительная истина) не существует в рафинированно чистом виде вне связи с особенным — культурно-исторической формой производства знания, его мировоззренческим пониманием и осмыслением. Культурно-исторический контекст развития знания представляет собой не просто некий инертный фон развития научного творчества, развертывающегося по своим сугубо имманентным гносеологическим законам, но характеризует специфический механизм рефлексии научного знания, его объективации и осмысления исторически-конкретным субъектом познания. Научная дея-

тельность в собственной когнитивной сущности оказывается глубоко социальной по своей природе. Мировоззрение в таком качестве предстает как фактор, выражающий целостность научного познания в органической связи «внутренних» и «внешних» детерминант развития науки, на базе которого познавательный процесс конституируется действительно как деятельность, развертывающаяся на основе определенных смысловых предпосылок социокультурного характера. Научная деятельность в самой когнитивной своей сущности оказывается глубоко социальной по своей природе. Этот аспект проблемы стал камнем преткновения «исторической школы» в западной философии науки. Не сумев объяснить диалектическое соотношение социальной природы знания и объективной его определенности, эта школа, по существу, разнесла неразделимые ипостаси научного познания по разным этажам научного знания, истолковав их в духе релятивизма и плюрализма.

Всякое научное знание в процессе своего производства имеет определенную культурно-историческую систему осмысления, сцементированную мировоззренческим отношением субъекта познания. Эвристические потенции этого неявного слоя познавательной деятельности обуславливают возможности формирования нового знания, стратегию научного исследования, поэтому содержательное изучение данных предпосылок социокультурного характера и введение их в методологический инструментарий научного познания включает в себе новые резервы науки. В силу актуальности данной проблемы остановимся на ней в методологическом аспекте более подробно.

Культурно-мировоззренческий анализ науки нацелен на сознательное овладение предпосылками научно-познавательной деятельности. Собственно то же самое можно сказать и относительно логико-методологического уровня исследований,

объектом которого является не готовое знание, а сам процесс теоретической деятельности. Специфика культурно-мировоззренческого анализа заключается в том, что он нацелен не на когнитивные процессы, спроектированные на объект научного анализа, а на нормативно-ценностную структуру научной деятельности, на смысловую ее связь с системой жизнедеятельности исторического субъекта. В центре внимания этого анализа является исследование и определение тех детерминант познания, которые существуют «за» очевидными логико-гносеологическими пластами знания: неявные мировоззренческие установки, модели понимания, закономерности функционирования научных теорий в социокультурном контексте, осмысление социально-этической позиции исследования и т. д.

Как показывает историко-научный материал, всякое научное знание несет в себе определенную культурно-историческую традицию, мировоззренческую смысловую нагрузку, являющуюся условием социально-культурной коммуникации субъектов познавательной деятельности. Это обстоятельство предполагает перевод исследования механизмов, порождающих знание, в плоскость экспликации выработанных в системе культуры мировоззренческих значений, которые, отражая всеобщие характеристики общественно-исторические практики, выполняют в процессе познания функцию посредника. Определение этих содержательно-смысловых оснований научного мышления, превращение их в предмет методологии открывает широкие эвристические возможности.

Степень и формы осмысления мировоззренческих предпосылок современного научного познания могут варьироваться в самом широком диапазоне — от определения культурно-значимого смысла отдель-

ных научных понятий до осмысления обусловленности исходной структуры научных идеализаций фундаментальными образами общественно-исторической практики как основного культурно-созидающего фактора активности человеческого фактора. В своеобразном интервале между этими крайними точками отсчета могут находиться и четко сформулированные философские принципы, и подспудно используемые мировоззренческие основания: стиль мышления, картина мира, категориальные структуры научного мышления, модели понимания исследуемой реальности и т. д.

Таким образом, этот пласт мировоззренческого анализа разворачивается в глубину, ибо актуальная познавательная деятельность опосредуется всей историей развития человеческой культуры. Вместе с тем рефлексия мировоззренческих предпосылок знания не сводится к некоему общему анализу науки, а концентрируется на тех факторах, которые верифицируют исходные системы научных идеализаций, на базе которых научное познание развертывается как деятельность, органическим образом связанная со всей системой жизнедеятельности исторического субъекта.

Культурно-мировоззренческая рефлексия научного познания как определенного вида духовно-практического освоения действительности способствует целостной экспликации механизмов производства знания в единой системе «внутренних» (когнитивных) и «внешних» (социальных) детерминант его развития. Это позволяет соотнести внутренние вопросы развития и интеграции научного знания с его гуманизацией, направленностью на ценности человека, что в условиях современного статуса научного познания является особенно значимым и актуальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
2. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. — М.: Прогресс, 1975. — 288 с.
3. *Лакатос И.* История науки и ее рациональная реконструкция / И. Лакатос // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. — М.: Прогресс, 1978. — С. 203—269.
4. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения / Д. Пойа. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957. — 535 с.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы / О. Шпенглер / Под ред. А. А. Франковского. — Пб.: Academia, 1923. — Т. 1. — 498 с.
6. *Feyerabend P.* Consolation for the Specialist / P. Feyerabend // Criticism and the Growth of Knowledge. — Cambridge, 1970. — Vol. 4. — P. 197—230.
7. *Lakatos I.* Criticism and the Methodology of the Scientific Research Programms / I. Lakatos // Proceedings of the Aristotelian Society. — L., 1969. — Vol. 69. — P. 149—186.
8. *Lakatos I.* Falsification and the Methodology the Scientific Research Programms / I. Lakatos // Criticism and the Growth of Knowledge. — Cambridge, 1970. — Vol. 4. — P. 91—115.
9. *Suppe F.* The Search for Philosophic Understanding of Scientific Theories / F. Suppe // The Structure of Scientific Theories. — Urbana, 1974. — P. 42—196.
10. *Toulmin S.* Foresinhg and understanding / S. Toulmin. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1961. — 116 p.
11. *Watkins I.* Metaphysics and the Advancement of Science / I. Watkins // The British Journal for the Philosophy. — 1975. — Vol. 26. — № 2. — P. 91—121.